

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

Философия

Слово, которое я говорю

Фрагмент из выступления А.М. Пятигорского на Втором международном симпозиуме в Звартаве на тему «Слово, которое я говорю». Среди участников этого симпозиума был и В.В. Бибахин. Другие участники симпозиума, упоминающиеся в этом фрагменте: Улдис Тиронс, редактор журнала «Rīgas Laiks», Арнис Ритупс, философ и публицист, Вардан Айрапетян, филолог, Заза Шатиришвили, филолог.

Пятигорский: Простите за такую безвкусную педагогичность, но я действительно ненавижу... Есть очень мало вещей, которые я ненавижу, но я ненавижу (притом, что другим и себе могу простить любую ошибку), когда кто-то, и я в первую очередь, употребляет слова, употребление которых им не осознано. То есть слов должно быть... ну, как придётся — мало или много, но ты за них должен отвечать. Конечно, не ты же его сделал, это слово, но ты должен отвечать за своё применение этого слова в твоём говорении. И вот я сейчас употребил... К чему я вот это сказал? Я сейчас употребил слово «философская позиция», и я хочу совсем кратко сказать, что я в данном случае имею в виду. Это ни в коем случае не определение... И вот в этом смысле мне хотелось бы сослаться, или, скорее — соотноситься, соотнести себя, потому что тогда выяснится, почему это «философская позиция».

Когда я говорю: «философская позиция», я прежде всего имею в виду — «другая философская позиция», не то, что одна позиция «философская», а другая «филологическая» или «лингвистическая» или «историческая», а что само понятие и слово «философская позиция» означает «другая философская позиция». И поэтому имеет смысл сказать: «А какая в отношении этой «другой» другая?» И вот я при этом хочу сослаться на позицию в отношении философии, которую условно можно назвать, там ... «витгенштейнианской», то есть которую не сам он сказал, а вот скорее на основании слов мэтра любил формулировать с той или иной степенью текстуальной точности его ученики,

такие, как, скажем там... Энском (Elizabeth Anscombe) очень плохо формулировала всё, потому что всё помнила и точно знала. А, вы знаете, знания и память — они мешают формулировке, ну, как Энском и, скажем, Хакер (Hacker P.M.S.).

Так вот как можно сказать, что можно сказать о философской позиции Витгенштейна? Вернее, нет... Сейчас это стало почти как Маркс и марксизм, вот... Так Витгенштейн и витгенштейнизм. Ну, в отношении философии эта позиция, она может примерно... так — очень примерно и популярно описана так, что в общем-то язык, э-э-э... язык — один и тот же. Ну — более или менее, то есть медленно меняется. Кстати, если будут возражения или вопросы, то, пожалуйста, просто прерывайте и говорите... То есть меняется медленно. И поскольку философия есть осознание и переосознание, в конечном счёте... вот можно сказать там — «понятий», а в конечном счёте даже «слов», то поэтому в сравнении, скажем, с другими науками философия, как какой-то поиск истинного, она тоже изменяется. Гораздо медленнее, чем, скажем, физика, геометрия или даже та же лингвистика, если принять во внимание очень ранние лингвистики. Именно в силу чрезвычайно медленного... вот такого изменения языка. Оттого основные проблемы философии на языке витгенштейнианства, они, в общем-то, всё время повторяются, они мало меняются. И вот всё время надо что-то делать с остающимся языком. И когда я говорю о философской позиции, я хочу сказать, что моя философская позиция, конечно, в этом отношении другая, и мне придётся поэтому... придётся сказать о моей.

Ради Бога, пусть это не звучит гордо и самоуверенно, когда я говорю – «моей». Но ведь она действительно моя, не потому, что она хорошая или какая-нибудь особенно вот такая там... – другая. Может, она просто совершенно никуда не годится! Поэтому, не желая компрометировать никакой другой позиции, я просто свою называю – «моя». И вот в смысле соотношения именно с языком моя позиция, действительно, другая... Не новая, вот ради Бога, я вас прошу понять это – а может, она вообще уже сто раз и раньше была, а я там перепеваю кого-то! Она не новая, она другая. Она как бы другая скорее для меня, в моём представлении, не во временном смысле, а просто – вот одна позиция, вот другая позиция... (*стучит по столу*) – Вот на этом столе можно разложить карточки с этими позициями... Вот какая она – очень элементарно, вот совсем элементарно: я не считаю, что соотношение философии и языка столь просто, как говорят витгенштейнианцы. В смысле вот этой моей философской позиции, э-э-э... – это не так. А вот «почему?» – вот тут я просто хочу сказать, почему.

Потому что эта позиция совершенно не принимает какой-то высказанный и не высказанный витгенштейнианский... гораздо более, чем витгенштейновский, постулат о языке в принципе. Так вот, я позволю себе никак не критику, но, если хотите, какую-то редукцию этой постулативности не только даже в отношении витгенштейнианства, но и всей школы анализа языка, в особенности даже не в её кембриджском, а скорее даже в оксфордском варианте, и поэтому я могу их постулат вместе с витгенштейнианским сформулировать так... Но здесь я прошу вас обратить внимание на то обстоятельство, что это я говорю о них, как они говорят о языке, а не они говорят. Для меня эта их позиция в отношении языка очень легко редуцируется к следующему... Она исходит из презумпции абсолютной переводимости. Язык как феномен пусть многообразный, то есть много языков, но мы говорим о том языке, о том конструкте, внутри которого всё может быть переведено, плохо или хорошо, полно или неполно, правильно или неправильно, но существует презумпция: на левой стороне – греческий, на правой – древнеегипетский, на левой стороне раскрытого листа – немецкий, на правой – английский. Вот это картина абсолютной переводимости, из которой – конечно, для меня, то есть в смысле моей позиции, язык для них всех – один язык.

Это то, чего я, совершенно физиологически, понять не в состоянии, для меня не существует одного языка, ну... может быть, в силу ограниченности моего воображения, а язык существует только в его множественности. И для меня переводимость – это какое-то вероятностное понятие... Ну вот можно там... перевести, а можно не перевести, а можно перевести с большей точностью, с меньшей точностью, а можно – никак. То есть сюда входит и невозможность. И это, я думаю, важнейшее отличие моей философской позиции от всей, я бы сказал, оксфордско-кембриджской и той колоссальной философско-лингвистической волны, которая захватила не только западный мир, но и такой, скажем, более восточный, я бы сказал... И которая, с другой стороны, зримо или незримо стала основой каких-то структуральных концепций и постструктуральных концепций, не обязательно всех... При этом я вовсе не подвергаю сомнению ценность и такого подхода, он просто не мой, а это я никак не могу счесть чьим бы то ни было недостатком. Так вот, когда я говорю, что я исхожу из несуществования одного языка, это не теория для меня – это, скорее, какая-то эмпирика... – «Нет, вот это», – допустим, – «совершенно невозможно перевести...» Ну, конечно, чтобы дать вам пример даже не непереводаемости, а вот пример такого рода вероятности. Ну, он яснее всего виден на переводе древних буддийских текстов, которые написаны на языке пали, абсолютно чистом индоевропейском языке, где, если вы его выучили и если вы носитель индоевропейского языка, русского, английского, французского... ну – никаких трудностей. Будут трудности, огромное количество, но те, которые возникают при изучении какого бы то ни было другого языка. Но вот когда оказалось, что нужно переводить... а почему нужно? А потому, что Будда сказал, что их нужно перевести на другие языки, чтобы говорить на других языках, нести в другие племена, то переводить на языки не другой группы, а другой семьи, а именно тибето-сино-бирманской, то, интересно, как два языка этой семьи, тибето-сино-бирманской, тибетский и китайский, по-разному отнеслись к переводу.

Тибетцы довели принцип кальки до какого-то совершенно фантастического максимума... То есть они не только переводили одно санскритское слово одним тибетским и это вот так потом проверялось, даже если вообще смысла не было никакого. Но они переводили каждую часть композитных санскритских слов, которые, конечно, их носи-

телями давно уже не воспринимались как композита. А они переводили такими же кусочками тибетских слов, вот... Это интересно. По сравнению с этим, там, я не знаю... русские кальки начала девятнадцатого века с «мокроступами» вместо калош – это просто шутка. То есть кальки придумывались с субфиксом, префиксом, субфиксом и так далее и так далее, а если этого не было, то просто какие-то там существительные, грубо говоря, заменяли их. То есть это была одна крайность. А вот китайцы, как знают все китаисты, совсем не такие. Их перевод был основан на понимании, что я должен рассказать об этом санскритском высказывании и об этом санскритском слове, рассказать на китайском, и чёрт с ними, с суффиксами, префиксами и всем прочим – не в этом дело. Ну... это, видимо, связано с характером китайской идеографической письменности в значительной степени, которая... Но я сейчас не хочу в это входить, потому что оттуда не вынырнуть... которая была такой, ну-у... подчеркнуто нефонетической. Поэтому китайцы просто рассказывали, что вот это означает, например – «царь встал», – там написано, допустим, на санскрите, а китаец говорит: «Ну, что значит – «царь встал»? А вот это означает вот то-то и то-то», – уже этого текста санскритского нет и в помине, а это изложение. И была такая традиция такого диаметрально противоположного, тоже крайнего, перевода.

Кончаю... Но для меня концепция одного языка не только не приемлема, и концепция абсолютной переводимости, как, в общем, для меня абсолютно не приемлема концепция «одного человека», «одного человечества» и вообще, честно – чего бы то ни было «одного»... Это может быть оттого, что с детства у меня к любому монизму отвращение, вот. Один необыкновенно талантливый человек очень обидно меня уверял, что этим я отрицаю своё иудейство, по природе монистическое, всё время склоняясь к каким-то явно не монистическим, вовсе не обязательно дуалистическим, но обязательно не монистическим вариантам... И, конечно, для меня это конструкты сознания, не более того. Это вот первый момент, на котором я хотел бы остановиться.

Сказав это, я хочу перейти к некоторым конкретным вещам... И вот я начну с нескольких замечаний о докладе... о докладе Улдиса. И вот тут мне придётся высказать несколько до банальности тривиальных суждений. Я думаю, что всё-таки это можно сделать. Когда возникла идея, а потом возник спор по поводу того, является ли слово ори-

ентированным на психическую модальность, а именно – речевую и, соответственно, акустическую, или само понятие слова как общее или, если хотите, философское понятие, оно полимодально психологически, то я думаю... Но опять-таки, я подчёркиваю, можно думать и совершенно по-другому, пожалуйста, и я готов принять в этом смысле любую критику. Так вот я думаю, что слово полимодально в отношении к психологии. Именно поэтому я категорически отказываюсь, с точки зрения моей философской позиции, отождествлять, скажем, слово с языком в целом... Мы в конце концов говорим о слове как каком-то очень сложном, чрезвычайно трудно редуцируемом, а вообще не редуцируемом концепте, вот нашем – мы вот так думаем! Об этом – «слово», а о том мы думаем – «язык» и мы можем каким-то образом это соотносить, и это уже зафиксировано в сознании. Но принимая эту идею полимодальности, а вовсе не мономодальности, я хочу сделать одну оговорку, что мы говорим о слове уже в поле, то есть в месте и во время, как бы во временно-пространственном поле, хгм... где слово уже мономодально. То есть есть какие-то представления о слове, и поэтому мы, скажем, говорим: «Да, слово может быть, там... и в языке глухонемых, и в языке там, я не знаю, э-э-э... людей, каким угодно образом сенсорно недостаточных»... Но это-то возможно только потому, что у нас слово уже есть, эта концепция во всей своей конкретной и идеальной в принципе полимодальности, потому что без этого мы не можем... Вот поэтому меня всегда удивляет то бездумие, с которым лингвисты и семиотики говорят: «язык кино», «язык жестов», «язык движений ног»! А сейчас лондонскими идиотами в двух колледжах придумано уже предельно кретинское понятие «body language», вот. – Чушь по-о-олная!... Хотя, кстати, может быть интересным объектом и для такого блуждающего философского мышления – ну, вот как пример такого демонстративного бездумья! Вот один мой аспирант говорит, что вот – «Интересно, какую часть этого body они имеют в виду?» То есть он имел в виду какую-то там разницу... Но это в принципе бессмысленно, потому что о каком бы language – feel language и так далее и так далее мы ни говорили, это всё равно будет перенос! Потому что мы-то, то есть мы-то, вот те, которые оперируют этим понятием как каким-то абстрактом и осознают своё применение этого абстрактного концепта... мы-то прекрасно знаем, что о каком бы language или о каких бы словах ни шла бы речь – всё

равно концепт слова тем или иным образом (*стучит по столу*) сформулирован, и вот он так применяется, вот куда угодно! Или там, как говорила одна дама в одном английском модном журнале: «Язык ногтей». Это вот как подстрижены ногти... простите, я вам покажу свою полную некомпетентность в этой области, или как они покрашены – уже содержит в себе определённую систему знаков. Такие вещи встречаются в очень многих культурах, только не придумывают для них глупых названий, как, например, в древней Южной Индии. И *body language* и язык ногтей и чего вам угодно... Но и там уже давно существовала классическая концепция слова; и любое другое слово, оно может фигурировать в любом, ну скажем, философском контексте или культурологическом, простите за употребление этого полностью кретинского слова «культурология», вот. Не потому, что культурологии нет. Я, например, очень люблю, когда говорят о том, чего нету, но здесь гораздо хуже, потому что в ней нет сформулированных и никто не сформулировал, ни один культурный человек не сформулировал исходные постулаты науки, которые он называет «культурология» и в особенности не сформулировано правило применения этих постулатов в отношении конкретных фактов и событий.

Так вот в нашем запасе слово всё равно фигурирует, о чём бы мы ни говорили – о языке пальцев, ног, рук, глаз, ресниц, бровей, ушей, – ну, в таких выражениях, допустим, как: «Он подозрительно шевелил ушами» или что-нибудь в этом роде... Это может быть правильным, но тогда это должно быть сформулировано и всё время надо держать в сознании, что всё равно исходим-то мы уже из заданной сформулированности слова, а не, с вашего любезного разрешения, ушей... или ногтей как знаковых инструментов. Я уже не говорю о том, что здесь, как правило, существует постоянная путаница слова со знаком. Их можно соотнести и нужно соотнести, но, опять же, в пределах каких-то хотя бы элементарных, если не онтологических, то методологических постулатов, без которых это всё не имеет смысла.

И вот я перейду к последнему моменту вот этого... э-э-э... этого введения, ну, как бы переходя к тому, что говорил и Улдис, и Заза, и... э-э-э... и Вардан, вот. Ну, можно задать, в конце концов, простой вопрос: «А всё-таки это слово – какое?» Ну, в порядке каких-то минимальных конкретизаций, ну... вот – «сказанное слово» или это слово, которое обязательно должно быть сопоставлено

с каким-то образом. Что здесь интересно – это, конечно, то, что в каких-то... мне не хочется даже говорить, – «культурах»... – в каких-то местах и в какие-то времена вот эта, будем её условно называть, в кавычках, «исходная концепция слова», из-за которой мы здесь собрались, потому что, согласитесь – что мы же здесь не слова обсуждаем, а мы обсуждаем, каким образом применяются... вот как можно наметить правила применения уже постулированной концепции слова и вот как эта концепция реализуется. Что замечательно – в одних местах и в одни времена она реализуется подчёркнуто зрительно, часто иконически, иероглифически. Ну, мы можем сказать... жалко, что здесь нет китаиста, который либо бы согласился со мной, либо сказал: «Молчи, дурак, не знаешь китайского!», – древнекитайского, вэньяна... Но совершенно очевидно, что, как меня учил один мой друг, замечательный китаист, ныне покойный, он всегда говорил: «Ты постарайся понять, что когда ты видишь иеро...»... (*кричит*) – Слово – это иероглиф! Или иероглиф, я путаю ударения... – «...это иероглиф. А вот его звучание нас не может интересовать, потому что в Шан-си это звучит так, в Кантоне – так, в Шанхае – так». Таким образом, это слово в этом регионе и в те, во всяком случае, времена было всегда зрительным в первую очередь, а прочесть можно было как угодно, это зависит от диалекта, уровня образования, среды населения и даже, если попросту говорить о танских временах, от количества сданных экзаменов, которые ты прошёл, то есть насколько у тебя отработана классическая фонетика... Или, например, вот даже... вот я недавно прочёл один замечательный перевод «Рассказы о поисках духов» на русский язык, и вот там один говорит: «Вот, я тебе даю эту записку, а произносить её можно как угодно. Запомни написание». «Запомни картинку»...

И странным образом эта традиция существовала. Зрительная традиция слова очень чётко прослеживается во всех классических ближневосточных культурах. «Слово» – это «написанное» от древнейших шумерских текстов до уже нововавилонской библейской начальной и талмудической экзегезы: «Слово» – это «написанное», вот покажи – где, где?». Это зрительное. И возьмём совершенно противоположное... я не говорю – «толкование слова», а вот противоположный пример – толкуем мы, они не толковали, а просто так было, это мы толкуем... Конечно – Древняя Индия, где «слово» – это звук. Слово не

священно как слово, оно священно как звук. Веды – это сборник священных звуков. Это гигантский, только устно передаваемый в течение двух тысячелетий через поколения...

Заза: Александр Моисеевич, извините, что я перебиваю, но это ведь всё-же только в одной даршане, Пурва-миманса, а в остальных...

Пятигорский: Вы знаете, в Пурва-мимансе это как бы позднейшее осмысление... Нет, это конечно, было во всей ведической экзегезе. Ну, Пурва-миманса – это как бы уже первая философская система, гораздо позднее; вот такие философы были, как мы с вами, Арнис, и вы, Заза, безусловно – тоже, которые уже исходили из готовой концептуализации, как мы, занимающиеся не столько словом, сколько, конечно, идеей слова. Так вот там эта идея была чисто... Ну хорошо, ладно, не буду преувеличивать... ну хорошо – преимущественно звуковой, как бы в отличие от китайской, где она была преимущественно зрительной. И не надо говорить, что это там было потому, что была силлабическая деривативная от финикийской письменность дэванагари... Вздор! Никакой письменности вообще не было тогда... А в Китае иероглифическая... Это всё не так. Это всё явно создавалось как бы одновременно, одно соответствовало другому, что вовсе не означает, что одно было причиной другого, здесь каузальность очень трудно установима.

И вот тогда, от этого... (*обращаясь к присутствующим*) – Это всё понятно? Что вот слово, когда я говорил о его полимодальности, то есть если мы можем выделить зрительную и акустическую модальности слова... И если вы меня спросите: «А можем ли мы это транспонировать уже на повествование, на рассказ?», и вот тут я вам скажу: «Не-е-ет, мы сейчас говорим о концепции слова». А это, как бы... уже совершенно другой ход. Пределом этой, почти одномодальной концепции слова в Ведах, конечно, явилась идея слов, у которых нет никакого иного смысла, кроме звучания. Я сейчас подчёркиваю – я ввожу произвольно-непроизвольно слово «смысл». Вот только звучание!

Я вас умоляю постараться себе это вообразить, потому что понять это невозможно, я, во всяком случае, никак не могу этого понять. Но мы не можем сказать, что звучание передаёт какой-то смысл с чего-то другого или что-то «не оно» и есть смысл, а там, где нет этого звучания – там мы не можем вообще о чем-то говорить. И вот пределом этой концепции явилась идея, что... э-э-э, ну

– идея мантры, идея... ну, «слова», в кавычках, у которого вообще нет семантики, оно ничего обозначать не может, оно ничего и не обозначает... То есть, грубо говоря, оно может обозначать ситуацию – вот, скажем: «Ом!»! Начало молитвы... Значит, сейчас будет молитва, потом начнётся жертвоприношение. Это «когда» надо написать в словаре: «ом» – это «когда». Но ведь это же не так, потому что любой ведист, он скажет: «Ом» – это «ом!»! Всё! Вот так поётся, так говорится, так шепчется про себя».

Но вот в исходном материале это звук, которому можно приписать смысл, безусловно. Но смысл возникает здесь только в порядке приписывания, потому что нет иного смысла, кроме вот этого звучания, и не может быть.

И вот тут на ходу мне хочется также сказать несколько слов о том, как я понимаю смысл. Для меня само понятие «смысл», заметьте, дамы и господа – я говорю не о «значении», (*стучит по столу*) а о «смысле», потому что в каждый данный момент количество значений, оно всё-таки... и, кстати, я спрашивал у математиков, они со мной согласились, они знают это лучше... во всяком случае, я знаю хуже – в каждый данный момент, тут я полностью витгенштейнианец, количество смыслов ограничено... То есть, простите! – количество значений ограничено, иначе вообще не было бы языка. Вот с этим я полностью согласен. То есть – «А где они?» – «А вот собери все словари», – скажет витгенштейнианец, – «и там ты найдёшь все значения». Но количество смыслов не может быть ограничено, потому что каждая новая ситуация может предполагать новый смысл слова... то есть не «новый», беру своё слово назад – другой. Если вы меня спросите, что такое значение, я всегда отвечу.

Так вот, с точки зрения моей позиции вот то, что можно было бы назвать смыслом (*повелительно*) – и сейчас забудьте о модальности или полимодальности слова, – я перехожу ко второму моменту того, что я хотел сказать. Смысл прагматически возникает как «иной смысл». Это значит, что что-то произошло. Ну, и так, грубо говоря... классики мне скажут, так ли было в классической древности. Ну конечно, можно сказать: «Нас что-то не устраивает, и мы начинаем говорить, обсуждать слово»... То есть возникает потребность не в другом значении, понимаете? – а именно возникает нужда в смысле, в ином смысле. Собственно, всякий смысл,

строго говоря – иной. Тот же самый смысл – он никому ни к чёрту не нужен, нет этой проблемы... Вообще сам смысл – это проблема. Вот где есть проблема, к значению это не относится.

Вот замечательно в двух английских словарях толковых описано, например, что такое «сапог», совершенно потрясающе... Правильно, безумно экономно и правильно. Но смысл? А вот оказывается, что это, с одной стороны, смысл его в угнетении одних другими «под сапогом», и вот знаменитая статуя Канишки в Западной Индии, где особую роль играют сапоги. Там, правда, у него гигантский меч, у императора висит, но меч – это ничто, главное – вот это два сапога, и всё под ними! Вот это уже смысл, значение совершенно то же.

И когда мне говорят, что философия – это поиски смыслов, – это, конечно, метафора. Философия, в каком-то смысле – это схватывание того момента и той точки, где смыслы изменяются, значит, где появляется инаковость. И вот с этим может работать философ. Ну... это почти витгенштейнианская трактовка философии, только у него это здесь как бы полная сращённость с «одним языком людей»... Я не могу это принять, потому что для меня нет ни одних «людей» – «всех вместе», не верю в это совершенно, ничего не могу поделатать – ну, не монист, не иудей и не христианин, вот... И нет, конечно, «единого человека» одного, ни единого одного, э-э-э... то есть внутренне в его любой бесконечной множественности в принципе переводимого языка.

Вот тогда смысл оказывается чем-то, с точки зрения моей философской позиции, ну... оказывается чем-то очень функциональным. То есть он есть только тогда, когда нет чего-то ещё. То есть когда не всё в порядке с употреблением слова.

Я думаю, что в нашем контексте смысл относится не к языку именно, (*переходит на чрезвычайно драматический шёпот*) – а к слову! (театральная пауза) – А если речь идёт о высказывании сколь угодно длинном, то в смысле «смысла» оно будет для нас фигурировать как (*стучит по столу*) слово. Молчание – это не язык, это, конечно, «не сказание слова». Я не знаю, вы можете не согласиться... но вот поэтому в немом фильме не могло быть молчания. То есть тут возникает просто новый смысл именно слова. В этой связи я скажу, что я вообще не считаю, что бинарно-опозиционный метод универсальный. Иногда работает, иногда не

работает, иногда плохо работает, иногда – хорошо. Но вот я бы сказал так, что слово для меня противопоставлено не молчанию, а слово противопоставлено «не-слову», когда вместо слова фигурирует в данной ситуации что-то другое, и вот тут важнейшая оговорка. – «Ну, это что-то другое там называется «не-словом» только потому, что это всё в поле слова!»

То есть от слова мы никуда здесь уйти не можем не только в философии, но и в действительности. Слово, которое может быть сказано – а вот оно не сказано, и вот вам молчание, это «не-слово». Но поле-то слова! Это не поле смысла. Смысл приходит, если он нужен. Чтобы пришёл смысл, должно случится что-то, в комплементарном порядке, что к языку может не иметь никакого отношения и даже и к мышлению тоже. И поэтому мне кажется, когда вы, Владимир Вениаминович (*то есть Бибихин*), э-э-э... А если вы слышите: «Пора идти»... И вот если нет этого «Пора идти», а все встали, застёгиваются там, вещи собирают, кто ищет картуз, а кто цилиндр, портфели подбирают... И вот если этого слова не сказано... ну, можно называть это условно «словом» – «Пора идти»... Ну, это речение, тем не менее здесь оно фигурирует именно как слово, как некоторое, если хотите, даже одно слово. И вот когда его нет – то это молчание. Не когда нет ни одного слова, а вот... Он не говорит: «Пора идти», или то же самое в «Персоне»... Вот как у Параджанова... Я совсем не специалист по фильмам, и «Персону» не очень люблю, кстати, и не такой уж вот дикий поклонник Параджанова, он талантливый был страшно, но как-то вот не мой, конечно, режиссёр – никак, не говоря уже о Тарковском, никак не мой, вот... И вот тут, как вы заметили, не знаю, обратили ли вы внимание (*к Бибихину, очевидно*) на ваше собственное замечание здесь – это-то ведь и есть молчание. И Улдис бы сказал – «Но для этого необходимо внимание к смыслу»...

Арнис: Это вы от себя говорите, да? То, что Улдис сказал...

Пятигорский: Я не опираюсь в данном случае на Улдиса как на авторитет, то есть как на Вардана или как на Будду. Но когда один из докладчиков сказал, что при этом должно быть внимание к смыслу, а вот я комментирую этого высокоталантливого докладчика, не называя его имени, Будда ли он, Вардан или кто другой, я могу сказать,

что когда этот докладчик сказал: «Это внимание к смыслу слова»...

Но ведь, дамы и господа, так ведь это возможно только тогда, когда что-то случилось. А что случилось? ...Все уже застёгивались, тут человек встал – «А, пора идти»... – Нет!... И вот тут возникает проблема смысла. И вот если тут кто-то дотошный настырно спросит: «А что такое «смысл»?» – «А вот тут нет этого слова, тут возникает проблема смысла», – ответил бы один из не перечисленных лиц. И что интересно, даже буддийские метафоры, речь Будды – молчание, там все сидят, раскрыв рты и уши – «вот что учитель скажет?»... Но вот только, когда что-то случается. То есть, строго говоря, это «не-слово» совпадает здесь с проблемой смысла.

Вот первое событие, слово не сказано, вот как в примере Зазы, какое-то слово не сказано – и тем не менее тут проблема... Или как вот говорили некоторые учителя Упанишад: «Когда чего-то нет». Ну например, каждый дурак знает, что такое корова, основа древнеиндийского хозяйства, корова... «А ты чего здесь делаешь, ты же, я помню, пастух?» – «Какой пастух, у нас мор давно, все коровы давно полегли». Тогда учитель говорит: «Ага, а может быть, поговорим – а что такое «корова»?» Это не о значении «корова», а это о смысле. То, о чём они говорили, ни в одном словаре, ни в санскритском, ни в ирландском, ни в норвежском вы не найдёте против того же индоевропейского слова «корова», ничего не найдёте. А

что же было? – Событие. А средний человек, нормальный, если чего-нибудь не случилось, крайне неприятного, например – все коровы подошли, это уже, между прочим, на 75% голлод во всём районе, а вот тогда начинает... – «Ага! А вот ты не понимаешь...» – А вот дальше идёт замечательное рассуждение, ну, уже там... комментаторских школ, замечательное рассуждение... – «Так вот, когда ты поймёшь, что корова – это Атман, а Атман не может подохнуть, как и не может родиться, то поймёшь, какую глупость сказал: «Все коровы подошли». – «Ну, а я не об Атмане, учитель!». – «А зачем пришёл тогда? О коровах разговаривать? Возвращайся тогда в деревню, о коровах...»

Так возникает проблема «корова»... Вот нет коров если, скажите «молчание», «не слово» о коровах... Ну, это я в порядке комментария к одному из выступавших. И вот опять же, когда приводилась: «И образ мира, в слове явленный»... Меня, конечно, больше всего здесь по смыслу заинтересовали два слова – это «образ» и «явленный», оба слова относятся к зрительной модальности, вы согласны со мной или нет? А не, скажем, к акустической. Образ не в смысле «звуковой образ», а всё-таки зрительный, если мне скажут, что поэт не то имел в виду, я готов согласиться, я очень плохо всё знаю, то есть поэзию. Но мне кажется, но вот тут я настаивать никак не буду, что это всё относится к зрительной мономодальности слова.